

Н. Ф. ЩЕРБИНА — ГЕРЦЕНУ

Публикация Е. В. Гиппиуса

11 июня 1861 г. поэт Николай Федорович Щербина (1821—1869), совершавший в это время заграничное путешествие, отметил в своем дневнике: «От А. И. Герцена получил письмо в Париже и теперь получаю о нем известия» («Путевые наброски русского ленивца и ипсохондрика». — Полное собр. соч. Н. Ф. Щербины. СПб., 1873, стр. 374).

Упомянутое Щербиной письмо Герцена не сохранилось, так же как и ответное письмо Щербины. Но сохранилось другое письмо Герцена, от 15 апреля 1861 г., из которого видно, что Щербина поделился с Герценом планом издания в Лондоне сборника русских народных песен в целях ознакомления с ними Западной Европы. «Как вы хотите издавать народные песни, — осведомлялся у Щербины Герцен: — разумеется, текст и музыку? Я думаю, что это — дело возможное. Но не дороже ли будет в Лондоне, чем в России; на иностранный сбыт не надейтесь: для них это — ein Kuriosum*; Огар(ев) и я, мы совершенно согласны с вашим мнением насчет русской народной песни. Русская песнь вызывает в степи живого человека, тоскует по нем, ждет его» (XI, 75).

В этом же письме Герцен приглашал Щербину приехать в Лондон.

Ниже публикуется ответное письмо Щербины. Оно почти целиком посвящено вопросу, живо занимавшему его в это время, — созданию «антологии» из русских песен для ознакомления европейцев «с русской народной музыкой, которая может дать им понятие о даровитости, нет, о *высокой даровитости* нашего народа, о его *богатых духовных средствах и внутренних данных*».

Изучению русского народного быта и фольклора Щербина целиком отдался с середины 1855 г. В следующие годы он совершил поездки по Московской, Тверской, Костромской и Владимирской губерниям, собирая образцы русского песенного фольклора. С этой же целью он отправился в 1860 г. на Волгу с композитором Балакиревым. Собранные Щербиной многочисленные материалы свидетельствуют о том, что на него оказали влияние фольклористические высказывания Чернышевского и Добролюбова. Он стремился охватить в своих наблюдениях все стороны народной жизни, в том числе замалчивавшиеся славянофильской апологетической фольклористикой отрицательные черты народного быта, «порожденные бедностью», изучать которые призвала редакционная статья «Современника» (написанная А. Н. Пыпиным) — «Как понимать этнографию?» (1865, № 2). Особый интерес Щербина проявил к выдвинутой Радищевым и декабристами теме социального протеста в народном творчестве, значение которой подчеркивали революционные демократы. Этот интерес нашел свое отражение в его записях песен о крепостном праве, а также песен разбойничьих, тюремных и бурлацких. Интересно, что первые свои записи русских песен Щербина сделал не в деревне, а на крепостной павловской фабрике (в Звенигородском уезде Московской губернии), от фабричной работницы.

Наметившееся на рубеже пятидесятых—шестидесятых годов сближение Щербины с демократическими кругами русской общественности, выразившееся, в частности, в его сотрудничестве в «Современнике» и в установлении связи с Герценом, оказалось весьма неглубоким и кратковременным. Обострение классовой борьбы в стране, страх

* курьез (нем.).

перед ожидавшимся революционным взрывом содействовали быстрому самоопределению Щербины в лагере реакции, вследствие чего и его фольклорная деятельность приобрела вскоре совсем иное содержание.

Второе сохранившееся письмо Герцена к Щербине написано 19 июля того же 1861 г. и представляет собой подробную инструкцию, как разыскать его в Лондоне. Щербина за несколько дней до того прибыл в Англию и поселился на острове Уайт, в городке Вентноре, в семье вице-президента Академии художеств, гр. Ф. П. Толстого (XI, 162—163).

Никаких сведений о встрече Щербины с Герценом до нас не дошло.

Знакомство их оказалось весьма непродолжительным. Возникло оно почти случайно, а дальнейшая политическая эволюция Щербины сделала вскоре невозможным какие-либо сношения с ним Герцена.

Письмо печатается по автографу «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 123).

Париж. 1861 г. Апреля 16

Письмо ваше я получил, и спасибо вам за доброе ваше внимание¹. Как искренно и просто я отнесся к вам, так искренно и просто вы мне и отвечали. Татьяна Петровна² посоветовала мне написать вам, когда я хотел, да не решался, не желая попасть в ту тьму-тем русских *либеральных хлыщей*, которые, я думал, вас осаждают и лично, и письменно. Мне выпадал случай быть в Лондоне, но я, может быть, не возымел бы столько духу, чтоб побывать у вас, зная, что мне лакей скажет: дома нет хозяина, зная, что за пустые люди у нас путешествуют за границей и либеральничают на словах, из моды, в России; что теперь у нас сделалось чем-то вроде: «так принято». Более того, в литературе даже выгодно, *денежно* выгодно, страдать за угнетенных братьев на словах.

Консерваторы наши «просто глупы, и слава богу»³, либералы наши — тоже глупы, только не просто и не слава богу. Надобно пожить в литературных кружках Петербурга и Москвы (выключая, разумеется, «Русского вестника» и «Русской беседы»), чтоб видеть пустозвонство, мелочность, обскурантизм, узкое своекорыстие этих господ и их прихвостней — всех этих военных офицеров и разных титулярных советничков, все эти общие места, *вычитанную* любовь, модные фразы, героизм на словах и кварталничество в поступках, палерояльский или гейдельбергский взгляд на Пошехонье и тому подобное; но не в пределах письма подробно определить вам все это... Для этого нужна личная, искренняя беседа, чтобы говорить убедительно, а не голословно. Скажу только:

Хорош российский Геликон!⁴

Не завися, собственно, от себя в моем путешествии, я не могу сказать, буду ли я в Лондоне и увижусь ли с вами и с Николаем Платоновичем... На-днях уезжаю в Италию, где пел любовь Петрарка... кстати о любви, только не вроде петраркинской...

Я писал вам, что намереваюсь издать русские народные песни за границей. Нужно объяснить вам мое намерение определительнее, подробнее.

Я вывез с собою несколько печатных сборников русских народных песней⁵: все они более или менее хоть и неудовлетворительны, но все-таки из них думаю перепечатать небольшую «антологию» из русских песней, в видах ознакомления европейцев с русской *народной музыкой*, которая может дать им понятие о даровитости, нет, о *высокой даровитости* нашего народа, о его *богатых духовных средствах и внутренних данных*. Есть песни, которые в создании по плечу будут Генделю и Бетховену. Музыка этих песней несказанно выше слов: если музыка их, положим, Шекспир, то слова — Тредьяковский: стоит сравнить только слова и музыку, ну, хоть песни «Вниз по матушке по Волге...». Впрочем, есть и слова такие, что загоняют

всех немцев и французов, все так называемые великие нации. Вот вам у русской секомой девки выражение, достойное греческого артиста времен Перикла:

...моя русая коса —	(а не золотые маковки
Всему городу краса,	колоколен, как привыкли
Молодцам — сухота,	думать)
Старым оханье,	
Старым — оханье —	
Девкам плаканье... ⁶	

Или, вот вам что-то шекспировское в свадебном «вопле»⁷ невесты к своей матери:

Ты, родимая моя матушка,	} А музыка-то какая!
В день денна моя печальница,	
В ночь ночная богомольница,	
Векова моя сухотница,	
Прогляди ты очи ясные,	
На свою на дочку глядячи,	
На свою на дочь любимую	
В последний раз, останешный.	

Какое всестороннее художественное и психологическое определение идеи матери.

А песня «О хмеле», а «Ванюша-Ключничек»⁸, да этому а, если перечислять, и конца не будет... Спешу оговориться: я не сторонник «искусства для искусства», а я сторонник «искусства для жизни...». Общественная струна, как неумолкаемый вопль, более всего звучит в моем сердце и отравляет мою жизнь, которая была мне веригами с младенчества и воспитала в народе и с народом.

Иностранцы знают нас только с военной и политической стороны, а народ считают животными и не любят нас. Узнавши, хоть чрез распространение песен (я разумею музыку), какое богатое содержание у русской души, — они получают о нас иное, лучшее понятие, которое, может быть, будет нам со временем в пользу, в житейскую пользу. Немцы в Германии знают наших два романса, думая, что это народные песни, и поют их, «чувствительно» восхищаясь — это: «Тройку удалую» Федора Глинки да «Не шей ты мне, матушка...». Что же бы было, если б они узнали наши чисто народные песни, вроде, например, «Вниз по матушке по Волге», где в звуках — глубь и ширь бесконечные... Известно, чего нет в идее, в душе, того не может явиться в слове и звуке, а если душа народа шекспировская и бетховеновская, то и слово и звук такие же.

Я здесь, в Париже, дал разучить три-четыре наши песни одной учительнице пения — француженке; она их превосходно поняла и усвоила себе художническим тактом, поет их в здешних обществах и заставляет плакать и умиляться французов⁹... Они же заставляют ее повторять эти песни по нескольку раз, а произведения разных европейских композиторов выслушивают по одному разу... Отчего бы это?!

Музыкальная соплеменница наша Богемия¹⁰ приняла бы эти песни с радостью и распространила бы их, имея на это все средства, и они бы разошлись по Европе. Живущий в Дрездене немецкий литератор Вольфзон¹¹, будучи недавно в Петербурге, согласился со мною перевести их в немецкие стихи и напечатать в Лейпциге, где станет печатанье весьма дешево. На первый раз можно напечатать тетрадку нот песен в двенадцать, потом, через год, когда выйдет в свет лучший сборник русских народных песен Балакирева, и я отыщу сборник Стаховича¹², то можно будет сде-

Н. Ф. ШЕРБИНА

Фотография с дарственной надписью:
«Владимиру Вадимовичу Пассеку на
память знакомства. Н. Шербина. Пе-
тербург. 1859 г. мая 5»

Исторический музей, Москва

лать выборку из этих двух изданий и напечатать наш выбор опять в Лейпциге, чрез посредство Вольфсона да к этому присоединить еще можно будет сборник песен Вильбоа¹³, и тогда выйдет, возможно, лучшая антология из русских песен для иностранцев.

Если бы у издателя нот этих песен можно бы было выгородить себе сто экземпляров, то экземпляров по пять и по десять я послал бы в подарок в библиотеки всех музыкальных консерваторий и в библиотеки и музеи всех славянских земель; подобная мера распространила бы их тоже и приобрела бы нам горячие симпатии.

Таково мое предположение: не знаю, исполнится ли оно?.. Мне постоянно нет ни в чем удачи¹⁴. Прочитайте в февральской книге «Отечественных записок» 1861 года мою статью: «Опыт о книге для народа». Я думаю по этому моему плану издать книгу для народного чтения и образования¹⁵, если что не помешает, — и для этого поспешу в июле «в Русь побывати»... Ну, уж хваленый Запад! Хорош, нечего сказать! Внешней цивилизации много, а внутренней (духовной) вовсе нет никакой! Грабители, наглые мошенники, дерзкие надувалы напускаются здесь на бедного иностранца возмутительно, — и все это торгующая и промышленяющая буржуазия. Здесь всех торгашей смело можно сослать на галеры, все они уголовные преступники. Париж — Пантеон, столица хлышей, — недаром Иван Панаев с таким чувством воспел его увеселения...¹⁶ По внутренней цивилизации Париж для меня ничем не отличается от Хивы, Бухары и Кокана: такие здесь наглые грабители с их фразой: «s'il vous plaît...»*. «На виселицу,

* пожалуйста (франц.).

s'il vous plaît», они скажут, а коканцы прямо вздернут на виселицу, — вот только и вся разница. На днях еду в Италию.

Мой сердечный, искренний поклон Николаю Платоновичу. Прощайте, «да будет мир с вами».

Весь ваш

Н. Щ е р б и н а

¹ Речь идет о письме Герцена от 15 апреля 1861 г. (XI, 75).

² Т. П. Пассек лето 1861 г. провела в Париже, где встречалась со Щербиной.

³ Перефразирован стих из эпиграммы Пушкина «Ты прав, несносен Фирс ученый...»: «Ты просто глуп, и слава богу».

⁴ Стих из третьей главы «Евгения Онегина», не вошедший в основной текст.

⁵ Авторы сборников русских народных песен, взятых Щербиной за границу, перечислены им в его заграничном дневнике. Это Бернард, Гурилев, Вильбоа, Воротинов, Дюбюк, Балакирев и авторы сборников украинских песен: Едличка и Карпенко (две последние фамилии искажены в печатном тексте дневника: «Эдмики» и «Корненко»). Сборник Балакирева был у поэта в рукописи, так как первым изданием он вышел в 1866 г. (см. Полное собр. соч. Н. Ф. Щербины, цит. изд., стр. 386).

⁶ Двустипшие «Моя русая коса | Всему городу краса» встречается в нескольких русских плясовых и хороводных песнях, но развивается обычно не так, как цитирует эту песню Щербина, а несколько иначе: «Молодчикам — сухота | Всем подружкам — честь-хвала». Вариант, цитируемый Щербиной, дословно не совпадает ни с одной из опубликованных песен с такими словами; он, вероятно, записан самим поэтом.

Подчеркнув в письме к Герцену второй стих цитируемого им отрывка песни «Моя русая коса | Всему городу краса», Щербина сопровождает его примечанием: «а не золотые маковки колоколен, как привыкли думать». Смысл этого примечания: русский народ говорит: город красят девичья честь (коса — символ девичьей чести), а не высказывает в своих песнях мысли в духе славянофилов, вроде: город красят золотые маковки церкви.

⁷ «Свадебный вольт» — не вполне точное название песни, цитируемой Щербиной; это отрывок (вторая половина текста) свадебной песни, начинающейся со слов «Ты река ль моя реченька», которую поют невесте-сироте хором всегда на один и тот же напев повсюду, где она бытует. Напев этот использован Глинкой в «Камаринской» (первая тема). Слова «Ты родима моя матушка», цитируемые Щербиной, začínают песню в первой ее публикации — Вильбоа; в этом виде песня была ранее цитирована А. Н. Островским в пьесе «Бедность не порок». В письме к Герцену Щербина цитирует именно этот отрывок слов песни под впечатлением пьесы Островского.

⁸ Один из вариантов песни «Ванюша-Ключник» был записан Щербиной в 1858 г. в Подольском уезде Московской губернии в селе Сергиевском (см. рукописи поэта. ЛБ. М. 3423, тетр. 8-я, стр. 7, № 22).

⁹ См. об этом подробнее в Полном собр. соч. Н. Ф. Щербины, стр. 385—386.

¹⁰ Богемия — немецкое название Чехии.

¹¹ О В. Вольфганге см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 29—31.

¹² «Сборник русских народных песен, составленный М. Балакиревым» вышел только в 1866 г., в изд. Иогансона. «Собрание русских народных песен», опубликованное в четырех тетрадах в 1851—1854 гг. М. А. Стаховичем, явилось первой музыкальной публикацией записей, сделанных не в городах, а в деревнях от крестьян.

¹³ Сборник, который имеет в виду Щербина: «100 русских песен, записанных с народного напева и аранжированных для одного голоса с аккомпанементом фортепьяно К. Вильбоа». Текст под редакцией А. Григорьева, изд. Стелловского. СПб., 1860. Фактически составителями этого сборника были А. Н. Островский и А. А. Григорьев. В состав этого сборника вошло тридцать пять песен, слова которых были записаны, а напевы усвоены на память А. Н. Островским, главным образом на Волге, в 1856 г., во время его совместной с Вильбоа собирательской поездки, организованной редакцией «Морского сборника». Вильбоа записал напевы этих песен с голоса Островского. Значительная часть песен, собранных Островским и опубликованных Вильбоа, цитирована в пьесах Островского и исполнялась в них с мелодиями, опубликованными в сборнике Вильбоа. Остальные песни сборника Вильбоа записаны им от Тертия Филиппова и других лиц, а частично перепечатаны без указания источника из сборников начала XIX века.

¹⁴ Сборник не был издан.

¹⁵ В статье «Опыт о книге для народа», написанной по поводу опубликованной в 1860 г. брошюры «Хрестоматия для народного чтения», Щербина изложил свою программу книги для народа — «Читальника». Программа эта имела умеренно либеральный характер.

¹⁶ Очерк И. И. Панаева «Парижские увеселения» был напечатан в 1846 г. в «Петербургском сборнике» Некрасова.